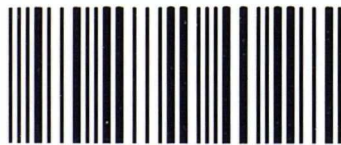

U $\frac{377}{386}$

2007080067

U 377
386

801-88

10594-0

15.2.36-46

ЗНАМЕНАТЕЛЬНЫЕ ГОДА И ЗНАМЕНИТѢЙШЕ ПРЕДСТА- ВИТЕЛИ ПОСЛѢДНИХЪ ДВУХЪ ВѢКОВЪ

ВЪ ИСТОРИИ

ЦЕРКОВНАГО РУССКАГО ПѢСНОПѢНІЯ.

Намъ Русскимъ, и особенно Москвитамъ, предстоитъ скоро большое празднество: празднество тѣхъ плодовъ, которые стяжала Россія изъ начинаній Петра I-го, изъ его мысли, слова и подвига. Одинъ изъ лучшихъ плодовъ этого рода, и самыхъ видныхъ, всего нагляднѣе связанныхъ съ корнемъ Петровымъ, безспорно есть наука. Но, какъ самый свѣжій плодъ и самая послѣдняя открытія науки вовсе не предполагаютъ одного только стремленія къ новизнѣ, напротивъ, и даже чаще, возвращаютъ насъ съ благодарностью къ далекому минувшему, къ оцѣнкѣ корня и къ постиженію перваго сѣмени: такъ и дѣло Петрово, тѣмъ лишь преимущественно и дорого, что даетъ намъ сознаніе своего древняго прошлаго, позволяетъ намъ ясно понимать всю цѣну и значеніе той жизни, изъ которой, богатой вѣками и опытомъ, какъ изъ обильнаго матеріала, творилъ и строилъ геній Великій. Какъ будто онъ оторвалъ насъ отъ почвы древней: на самомъ дѣлѣ, промежуткомъ двухъ вѣковъ и поприщемъ многоразличныхъ созданій или событій, увелъ насъ впередъ такъ далеко, что мы къ собственной истекшей жизни относимся уже *словно какъ древней*, что мы стали къ ней въ отношеніе предметное, обращаемся съ ней какъ предметомъ и, будучи вдали, очутились теперь всего къ ней ближе, съ глазу на глазъ, созерцая, изучая. Отношеніе спокойное, ровное, безпристрастное,

ясное: то самое, которое допускаетъ возможность знать и познавать, располагать данными и творить изъ нихъ, изучать себя и собою властвовать, то самое, которое рождаетъ всякую науку и всякое искусство. Къ числу этихъ-то областей вѣковой Русской жизни, созрѣвшихъ до того высоко, что онѣ вновь могутъ послужить нынѣ матеріаломъ для зданія еще высшаго, принадлежитъ область нашего *Церковнаго Пѣнія*: основнаго—стало быть древняго, истиннаго—то есть подлиннаго и самобытнаго, творческаго — явившаго себя въ тысячахъ произведеній и образцовъ. Плодотворнѣйшія задачи для нашего времени: наука, постигающая наконецъ эту область до подробностей; искусство личное, къ ней, какъ давнему роднику своему, довѣрчиво притекающее.

Послѣ митрополита Евгенія, Сахарова и Ундольскаго, мы должны здѣсь назвать тѣхъ дѣятелей, которымъ всего болѣе обязана эта наука въ наши дни: кн. В. Θ. Одоевскаго, протоіерея Дм. В. Разумовскаго и Н. М. Потулова. Первый, старшій по времени и заслугамъ, первый же рѣшился оставить путь предшественниковъ, исключительно державшихся библіографіи или одного литературнаго подбора историческихъ данныхъ, и, прежде своихъ сверстниковъ, обратился къ живому изслѣдованію самой *музыки*, скрытой подъ древними знаками или въ свидѣтельствѣ уцѣлѣвшихъ памятниковъ: близкое знакомство съ музыкою Западной и тамошнею Церковной, обладаніе средствами вокальными и инструментальными (голосовъ и орудій), общая высокая образованность, живость воображенія и смѣлость догадки, теплота души впечатлительной и легко воспринимающей, наконецъ постоянный интересъ къ сравненію съ основами музыки народной-мірской, — все это дало ему возможность оцѣнить по достоинству типы нашего Пѣнія Церковнаго, до извѣстной степени воспроизводить ихъ въ примѣрахъ увлекательнаго исполненія, намѣчать особенности и указывать своеобразныя отличія. Какого ни будь цѣльнаго произведенія науки или музыки изъ этой области онъ намъ не оставилъ и не могъ создать, какъ предводитель энциклопедистъ: но онъ составилъ цѣлую библіотеку или музей классическихъ памятниковъ сего рода, цѣлую массу разбросанныхъ при этомъ замѣтокъ и цѣлый кругъ живыхъ дѣятелей, имъ одушевлявшихся, отъ него поучавшихся. Въ связи съ нимъ, но съ первыхъ же шаговъ путемъ строгой

спеціальною наукою шель Дм. В. Разумовскій и успѣлъ даже отпечатать вполнѣ трудъ свой (сперва въ «Чтеніяхъ Общества Люб. Дух. Просв.», потомъ особю книгою «Церковное пѣніе въ Россіи,» 1867—69): расшифровалъ историческій рядъ музыкальных знаковъ начиная съ самыхъ древнѣйшихъ, въ оттиснутыхъ образцахъ сопоставилъ ихъ и сличилъ съ нотою «церковной» и общеупотребительной, фактически освѣтилъ ими смыслъ памятниковъ и всѣхъ свидѣтельскихъ показаній; развернулъ ихъ передъ нами какъ одну книгу, чтобы читать по ней, и понимать, и пѣть, и воспроизводить въ слухъ за всю историческую нашу древность, какъ будто мы еще теперь живемъ въ ней, какъ будто никогда она не смолкала. Только развѣ современники, быть можетъ изъ уваженія къ личнымъ отношеніямъ, въ состояніи молчать объ этомъ трудѣ: за то при немъ никогда уже, скажемъ на вѣрное, не смолкнетъ самобытное пѣніе въ Русской Церкви. А чтобъ оно на практикѣ тотчасъ же воспользовалось уроками старины своей, на это положилъ всю силу своего практическаго музыкальнаго таланта Н. М. Потуловъ: какъ практикъ по преимуществу, слѣдуя направленію обратному сравнительно съ Разумовскимъ, онъ сошелся съ симъ послѣднимъ въ точкахъ приложенія основныхъ началъ къ современной дѣйствительности. Сроднившись со всею вокальною сферою блестящей музыки Западной и самъ нѣкогда дѣйствуя въ ней исполнителемъ, онъ весь этотъ блескъ, и громъ, и раннее увлеченіе принесъ въ жертву тому строгому и серьезному типу, который встрѣтилъ на пути любопытствующаго знакомства въ нотныхъ церковныхъ книгахъ, доселѣ дѣйствующихъ на практикѣ, по Синодскимъ изданіямъ. Когда же за ними, трудомъ ученыхъ, вскрылся выше и глубже цѣлый міръ пѣнія основнаго и древнѣйшаго, къ которому примыкаютъ они какъ звѣно послѣднее, Потуловъ уже не безотчетно предался имъ, напротивъ, повѣряя и дополняя ихъ первичными образцами, съ другой стороны уловилъ тайну примѣненія ихъ къ теперешнему употребленію, болѣе широкому, согласно съ развившимися требованіями нынѣшняго искусства, хотя бы самаго взыскательнаго, хотя бы передъ судомъ обще-Европейской музыки. Всѣмъ памятенъ тотъ годъ, когда, въ приходской церкви протоіерея Разумовскаго, съ благословенія Митрополита Филарета